

# 19. Сокровища нашей тещи

“Двенадцать стульев” из Германии

В Музее кино, в Москве, в рамках проекта “Год культуры Германии в России” показали фильм “Двенадцать стульев” Ульрике Оттингер. Подпустили интриги, назвав показ полузакрытым. Цель его – познакомиться прессу и потенциальных прокатчиков в России с картиной, дать ей жизнь на родине авторов и героев первоисточника. Фильм идет три с половиной часа. И хотя снят он в формате 25 кадров в секунду, мы смотрели его в режиме 24 кадра. Поэтому показ продолжался минут на 15 дольше задуманного, голоса актеров были занижены, а скорость проекции замедленной. Нет у Музея кино соответствующего оборудования. Но если бы нам обо всем этом не сказали, мы бы и не заметили, разве что затаившийся хронометраж удивил бы. На экране говорят по-русски, потому как главные роли достались комик-труппе из Одессы “Маскишоу”. Есть еще закадровый голос от автора, звучащий по-немецки. На сороковой минуте начался массовый исход. К финалу в небольшом зале осталось совсем немного людей. Немцы же смеялись, живо реагируя на незнакомый им текст Ильфа и Петрова.

Ульрике Оттингер приехала в Москву впервые и почти неизвестна у нас даже людям, всерьез занимающимся кино, и оказалась очень симпатичным человеком. Работает в кино она довольно давно, с 1971 года, и почему-то применительно к ней всякий раз используется термин “модный режиссер”, а то и “молодой”. Сняла ряд документальных и игровых картин, включая шестичасовую “Тайгу”. Начинала как живописец и фотограф, в Москву приехала из Голландии, где проходит ее выставка. Является оператором всех своих фильмов. С культовым для нас романом Ульрике познакомилась в 2001 году. Премьера “Двенадцати стульев” состоялась на Берлинском фестивале 2004 года в рамках Международного форума. Съемки велись около двух лет. На роль Остапа Бендера приглашен Георгий Делиев, любимец Киры Муратовой, уже снимавшийся у нее и теперь играющий главную роль в ее новом проекте “Настройщик”. Надо сказать, что о Муратовой в “Двенадцати стульях” многое напоминает. Видишь бабушек, тетенок на экране,

и кажется, что лица их хорошо знакомы по муратовским картинам. Люди эти, заслушав о начале съемок, приходят на Одесскую киностудию, записываются в массовку. Вот все эти типы и перекочевали к госпоже Оттингер.

У картины более чем скромный бюджет. Как сказал, представляя фильм, директор Музея кино Наум Клейман, ни один из российских кинематографистов не стал бы снимать этот сюжет на такие деньги.

В самом начале зазвучала песня “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина”. Ее мы уже слышали в Берлине, в картине Ангелопулоса “Трилогия: плачущий луг”. Многовато для одного Берлинского фестиваля. Выходит, русские ассоциируются именно с этой песней и с Одессой. И гробы в обеих картинах перевозили в лодках по воде.

Играют в “Стульях” самодельно, как в сельском клубе. Удивительно, конечно, у Муратовой те же актеры иной раз существуют на том же уровне, пахнет самодельностью от их игры, а самодельной картину не назовешь. Муратова словно бы культивирует непрофессионализм во имя профессиональных интересов фильма. Но Оттингер – не Муратова. В ее фильме легендарная теща-шутница Клавдия Ивановна, запрятавшая свои сокровища в стул, умрет вульгарно и театрально. Сделано это специально, но все иные персонажи существуют в кадре по другим игровым законам. Вернее, их нет. Смешалось все. Точно так же не поймешь, в какие годы происходят события фильма: современная одежда, “Запорожец” в кадре, вполне новенький трамвай, вывеска в Пассаже – “Виза-сервис”. Бабки ходят с пакетами а-ля Коко Шанель, едят хот-доги, торговцы предлагают чай, кофе, капучино. Много и иных примет советской и постсоветской жизни. Текст Ильфа и Петрова режиссер обогатила диалогами одесского Привоза. Рынки, судя по ее рассказам (а мы имели возможность поговорить, но, к сожалению, до, а не после фильма), произвели на Ульрике сильное впечатление. В финале Киса Воробьянинов (Геннадий Скарда) с выбритой яйцообразной головой будет зашивать огромные клетчатые сумки, в которых у нас возьят

товар перекупщики и торговцы. Расположится в контейнере, установленном на вещевом рынке современного образца. Вот вам и обеспеченная старость – Киса живет в контейнере, страдая от наездов великого комбинатора. Комбинатор, кстати, – так себе, мелкота, во всяком случае – не герой нашего времени, а мы ведь часто говорим, что Бендер – олицетворение новорусского настоящего. Одесса для Оттингер – какое-то чудо-юдо, как, впрочем, и вся наша жизнь. Ульрике была поражена тем, насколько плохо живут наши люди, отнеслась к этому с сочувствием и пониманием.

Остап постоянно носит клоунский наряд: Делиев ведь тоже – клоун. Бендер – словно из цирка, но ему можно, он по сути своей – экстравагантный мужчина. Желтые штиблеты или малиновые ботинки, клоунская кепка, пиджачок лоскутный, жилет в звездах – и мадам Грицацуева убита наповал. Она тоже вполне муратовская женщина – толстая, крашеная блондинка. Такие тети тут проплывут, как лады, не раз. Не раз покажут и беззубых старух, это уж точно наш уникальный тип. Нигде больше не встретишь. Похоже, Оттингер никогда таких прежде не видела, вот и демонстрирует их долгие планы. Несмотря на то, что фильм такой огромный, новые персонажи появляются случайно и ненадолго. Эллочка-людоедка, опять-таки сыгранная муратовской любимицей Натальей Бузько, – априори персонаж более чем колоритный – без должного эффекта пройдет перед нами, не оставив следа.

Оттингер сняла несколько красивых полуразрушенных одесских фасадов и индустриальных пейзажей. Вообще есть любопытные кадры вроде старух, сидящих на стульях посреди городской свалки. И отец Федор смешно будет рубить розовые стулья, фронтально выстроенные вдоль береговой полосы. Дико и фантазмагорично. Странное дело, столько нелепостей в кадре, а совсем не смешно. Но Оттингер – не халтурщица, она старалась бережно и тонко передать всю красоту и нелепость “Двенадцати стульев”, но у нее не получилось ничего.

Светлана ХОХРЯКОВА

Культура. – 2004. – 28-28 апр. – с. 9



# 19 Сокровища нашей тещи

“Двенадцать стульев” из Германии

В Музее кино, в Москве, в рамках проекта “Год культуры Германии в России” показали фильм “Двенадцать стульев” Ульрике Оттингер. Подпустили интриги, назвав показ полузакрытым. Цель его – познакомить прессу и потенциальных прокатчиков в России с картиной, дать ей жизнь на родине авторов и героев первоисточника. Фильм идет три с половиной часа. И хотя снят он в формате 25 кадров в секунду, мы смотрели его в режиме 24 кадра. Поэтому показ продолжался минут на 15 дольше задуманного, голоса актеров были занижены, а скорость проекции замедленной. Нет у Музея кино соответствующего оборудования. Но если бы нам обо всем этом не сказали, мы бы и не заметили, разве что затянувшийся хронометраж удивил бы. На экране говорят по-русски, потому как главные роли достались комик-труппе из Одессы “Маскишоу”. Есть еще закадровый голос от автора, звучащий по-немецки. На сороковой минуте начался массовый исход. К финалу в небольшом зале осталось совсем немного людей. Немцы же смеялись, живо реагируя на незнакомый им текст Ильфа и Петрова.

Ульрике Оттингер приехала в Москву впервые и почти неизвестна у нас даже людям, всерьез занимающимся кино, и оказалась очень симпатичным человеком. Работает в кино она довольно давно, с 1971 года, и почему-то применительно к ней всякий раз используется термин “модный режиссер”, а то и “молодой”. Сняла ряд документальных и игровых картин, включая шестичасовую “Тайгу”. Начинала как живописец и фотограф, в Москву приехала из Голландии, где проходит ее выставка. Является оператором всех своих фильмов. С культурным для нас романом Ульрике познакомилась в 2001 году. Премьера “Двенадцати стульев” состоялась на Берлинском фестивале 2004 года в рамках Международного форума. Съемки велись около двух лет. На роль Остапа Бендера приглашен Георгий Делиев, любимец Киры Муратовой, уже снимавшийся у нее и теперь играющий главную роль в ее новом проекте “Настройщик”. Надо сказать, что о Муратовой в “Двенадцати стульях” многое напоминает. Видишь бабушек, тетенок на экране,

и кажется, что лица их хорошо знакомы по муратовским картинам. Люди эти, заслышав о начале съемок, приходят на Одесскую киностудию, записываются в массовку. Вот все эти типы и перекочевали к госпоже Оттингер.

У картины более чем скромный бюджет. Как сказал, представляя фильм, директор Музея кино Наум Клейман, ни один из российских кинематографистов не стал бы снимать этот сюжет на такие деньги.

В самом начале зазвучала песня “Что стоишь, качаясь, тонкая рябина”. Ее мы уже слышали в Берлине, в картине Ангелопулоса “Трилогия: плакучий луг”. Многовато для одного Берлинского фестиваля. Выходит, русские ассоциируются именно с этой песней и с Одессой. И гробы в обеих картинах перевозили в лодках по воде.

Играют в “Стульях” самостоятельно, как в сельском клубе. Удивительно, конечно, у Муратовой те же актеры иной раз существуют на том же уровне, пахнет самостоятельностью от их игры, а самостоятельной картину не назовешь. Муратова словно бы культивирует непрофессионализм во имя профессиональных интересов фильма. Но Оттингер – не Муратова. В ее фильме легендарная теща-шутница Клавдия Ивановна, прятавшая свои сокровища в стул, умрет вульгарно и театрально. Сделано это специально, но все иные персонажи существуют в кадре по другим игровым законам. Вернее, их нет. Смешалось все. Точно так же не поймешь, в какие годы происходят события фильма: современная одежда, “Запорожец” в кадре, вполне новенький трамвай, вывеска в Пассаже – “Виза-сервис”. Бабки ходят с пакетами а-ля Коко Шанель, едят хот-доги, торговцы предлагают чай, кофе, капучино. Много и иных примет советской и постсоветской жизни. Текст Ильфа и Петрова режиссер обогатила диалогами одесского Привоза. Рынки, судя по ее рассказам (а мы имели возможность поговорить, но, к сожалению, до, а не после фильма), произвели на Ульрике сильное впечатление. В финале Киса Воробьянинов (Геннадий Скарда) с выбритой яйцеобразной головой будет зашивать огромные клетчатые сумки, в которых у нас возьят

товар перекупщики и торговцы. Расположится в контейнере, установленном на вещевом рынке современного образца. Вот вам и обеспеченная старость – Киса живет в контейнере, страдая от наездов великого комбинатора. Комбинатор, кстати, – так себе, мелкота, во всяком случае – не герой нашего времени, а мы ведь часто говорим, что Бендер – олицетворение новорусского настоящего. Одесса для Оттингер – какое-то чудо-юдо, как, впрочем, и вся наша жизнь. Ульрике была поражена тем, насколько плохо живут наши люди, отнесаясь к этому с сочувствием и пониманием.

Остап постоянно носит клоунский наряд: Делиев ведь тоже – клоун. Бендер – словно из цирка, но ему можно, он по сути своей – экстравагантный мужчина. Желтые штиблеты или малиновые ботинки, клоунская кепка, пиджачок лоскутный, жилет в звездах – и мадам Грицацуева убита наповал. Она тоже вполне муратовская женщина – толстая, крашеная блондинка. Такие тети тут проплывут, как лады, не раз. Не раз покажут и беззубых старух, это уж точно наш уникальный тип. Нигде больше не встретишь. Похоже, Оттингер никогда таких прежде не видела, вот и демонстрирует их долгие планы. Несмотря на то, что фильм такой огромный, новые персонажи появляются случайно и ненадолго. Эллочка-людоедка, опять-таки сыгранная муратовской любимицей Натальей Бузько, – априори персонаж более чем колоритный – без должного эффекта пройдет перед нами, не оставив следа.

Оттингер сняла несколько красивых полуразрушенных одесских фасадов и индустриальных пейзажей. Вообще есть любопытные кадры вроде старух, сидящих на стульях посреди городской свалки. И отец Федор смешно будет рубить розовые стулья, фронтально выстроенные вдоль береговой полосы. Дико и фантастично. Странное дело, столько нелепостей в кадре, а совсем не смешно. Но Оттингер – не калтурица, она старалась бережно и тонко передать всю красоту и нелепость “Двенадцати стульев”, но у нее не получилось ничего.

Светлана ХОХРЯКОВА

Кудрявцева – 2004 – 22 – 28 мпр. – 1.9